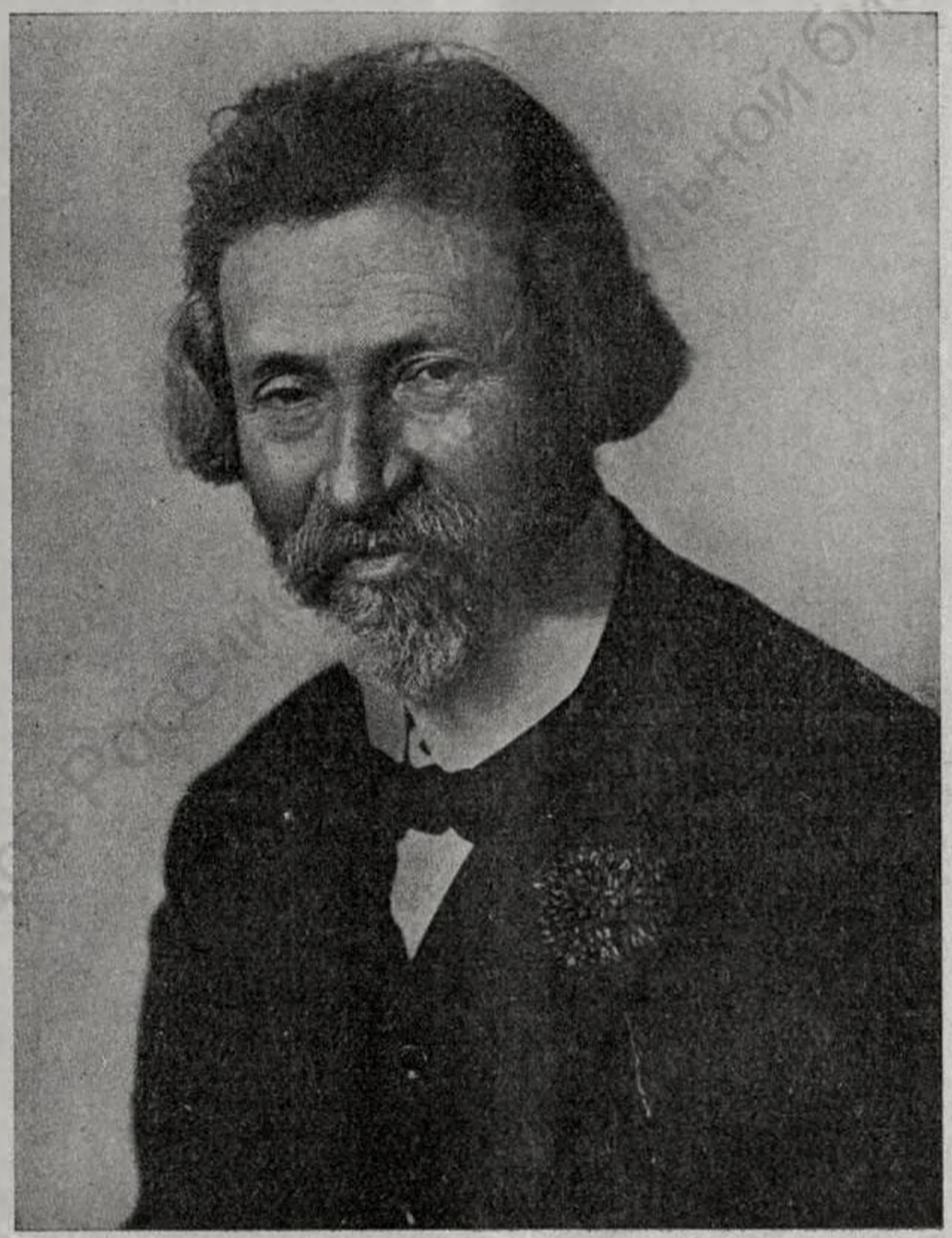
П35
456

1924-29 №29-43
шк1

ПРОЗВОНЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 29 1927 № 29



И. Е. Рѣпинъ I. Repin

Н. И. МИШЕЕВЪ

ВЕЛИКІЙ ХУДОЖНИКЪ—ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧЪ РѢПИНЪ

I

„Бурлаки“, „Крестный ходъ въ Курской губ.,“ „Іоаннъ Грозный и его сынъ“, „Запорожцы“, „Не ждали“, „Толстой на пашнѣ“, „Какой просторъ!..“ „Засѣданіе Государственнаго совѣта“ и портреты Льва Толстого, А. Писемскаго, А. Рубинштейна, И. Сѣченова, членовъ Государственнаго Совѣта, — скажите, кто изъ мало-мальски образованныхъ русскихъ людей

Гос. Публичная Библиотека

не знаетъ этихъ произведеній и творца ихъ, Илью Ефимовича Рѣпина? Въ репродукціяхъ они обошли всю Россію, вызывая повсюду неподдѣльный восторгъ и горделивое сознаніе, что писалъ эти картины нашъ русскій художникъ.

Съ другой стороны, въ глазахъ Запада Рѣпинъ является самой типичной и характерной фигурой для русскаго искусства. Толстой въ литературѣ и Рѣпинъ въ живописи въ представленіи европейца-германца, англичанина, француза и др. — самые лучшіе и вѣрные источники, чтобы ознакомиться съ національными особенностями русскаго человѣка. Параллельно этому, Рѣпинъ, какъ и Толстой, — міровыя уже величины, занявшія опредѣленное и извѣстное мѣсто въ исторіи искусства и литературы.

Можно сказать, что въ такой оцѣнкѣ Рѣпина болѣе или менѣе сошлись всѣ, какъ и въ непререкаемомъ его значеніи для русскаго искусства. Безъ Рѣпина въ этомъ искусствѣ былъ бы какой-то зіяющій провалъ, какая-то тоскливая пустота, большая недосказанность, отсутствіе нѣкоей типичнѣйшей черты русскаго духа, чрезвычайно плодотворной, многообѣщающей, а потому радостно настраивающей...

II

Прежде чѣмъ дать опредѣленіе этой „черты“, остановимся на тѣхъ картинахъ нашего художника, съ которыми неразрывно связана слава его имени, появленіе которыхъ вызывало въ свое время большой шумъ, страстные дебаты, отголоски которыхъ мы находимъ и въ послѣдующихъ трудахъ о Рѣпинѣ. Попробуемъ дать возможно безпристрастный анализъ ихъ.

„Бурлаки“, „Крестный ходъ въ Курской губерніи“... Это картины, что называется, „съ сюжетомъ и съ опредѣленной тенденціей“. Онѣ обличаютъ тотъ общественный строй, гдѣ существуетъ полуживотный трудъ бурлаковъ и звѣрская полиція въ церковныхъ празднествахъ... Художникъ преднамѣренно вводитъ здѣсь обличительной элементъ. Заповѣди главы „передвижничества“ Крамского, что въ искусствѣ „остается на всю жизнь мысль, чувство, благородные порывы и негодованіе ко злу“, что „только чувство общественности даетъ силу художнику“, что „всякое увлеченіе декоративной красотой есть пагубное и унизительное для искусства, а увлеченіе красотой самой живописи — недостойное художника занятіе“... — такіе и подобные имъ завѣты были одно время руководящими для Рѣпина, находившагося подъ сильнымъ вліяніемъ своего учителя Крамского, память котораго онъ всегда благоговѣйно чтилъ. Отраженіе всего этого мы и находимъ въ названныхъ картинахъ, характерныхъ для „передвижничества“.

Но есть въ нихъ и нѣчто особенное, свойственное только Рѣпину, выходящее за предѣлы „обычнаго передвижничества“... Это, во-первыхъ, „діапазонъ“, „размѣръ“ самого сюжета. Надо, конечно, признать, что „передвижничество“ спеціализировалось больше на сюжетахъ обывательскаго значенія. Вспомните хотя бы В. Маковскаго, Максимова, Неврева и др. У Рѣпина ничего подобнаго. Мы видимъ, что онъ даетъ намъ цѣлыя общественныя характеристики, захватываетъ широкій и своеобразно сложившійся міръ русской жизни. Вотъ почему въ „Бурлакахъ“ встаетъ предъ нами во весь свой ростъ какой-то стихійно-буйный духъ волжской вольницы, но только скованный современнымъ порядкомъ. Мы и возмущаемся превращеніемъ цѣлаго класса людей въ вьючныхъ животныхъ, и одновременно съ какимъ-то тайнымъ страхомъ восхищаемся этой скованной силой, которую никакіе „ковы“ не убили, а только до поры, до времени „куда-то“ загнали, да и то при добровольномъ ея согласіи... Неудивительно, что за этими „Бурлаками“ намъ начинаетъ чудиться весь русскій народъ... Картина и сюжетъ ея получаютъ вдругъ, неожиданно для насъ, символическій смыслъ. Стремясь разгадать его, мы болѣе внимательно всматриваемся въ этихъ бурлаковъ и... невольно поражаемся индивидуальностью каждаго изъ нихъ, ясно выраженному ихъ душевному складу, такъ много говорящему нашему чувству...

Здѣсь мы должны отмѣтить второе свойство „передвижничества“ Рѣпина: его необычайную способность къ выявленію духовнаго міра персонажей своихъ картинъ, его удивительную чуткость, отчетливость, остроту воспріятія каждаго явленія, облюбованнаго его глазомъ. Въ результатѣ, забыть „Бурлаковъ“ нельзя, если видѣлъ ихъ. Они запомнятся и, при удобномъ случаѣ, всегда встанутъ предъ нами.

То же самое нужно сказать и о „Крестномъ ходѣ“. Картина вся въ движеніи, полномъ драматизма. Все и всѣ устремляются за иконой. У всѣхъ боязнь, какъ бы не отстать. Всѣ захвачены экстазомъ толпы, сопровождающей святыню. Только урядники чужды религіозному пафосу. Для нихъ порядокъ выше всего.

И впереди всѣхъ—фигура, приковывающая къ себѣ все ваше вниманіе. Это юродивый, неотъемлемая принадлежность религіозно-настроенной Руси, одинъ изъ удивительнѣйшихъ образовъ, созданныхъ Рѣпинымъ.

Всмотритесь въ лицо горбуна-юродиваго: конечно, это умный человѣкъ, далеко видящій, глубоко понимающій, взявшій на себя подвигъ юродства съ полнымъ сознаніемъ всей его тяжести. Странная печать презрѣнія къ шумливой и торопящейся толпѣ лежитъ на его губахъ... Все у этого человѣка, вся душа и тѣло, какъ бы собрано въ комокъ. Страшнымъ напряженіемъ воли онъ подавилъ въ себѣ всѣ центробѣжныя стремленія. Онъ во власти началъ и принциповъ абсолютно-противоположныхъ, т. е. центростремительныхъ. Онъ, конечно, не любитъ этой толпы. Онъ безгранично одинокъ. Одинокимъ сдѣлала его уже сама природа, оскорбивъ внѣшнимъ безобразіемъ. Онъ, можетъ быть, хотѣлъ бы одинъ-

на-одинъ остаться съ святыней... Не для того-ли, чтобы задать ей больной вопросъ, почему онъ не похожъ на другихъ, не такой, какъ всѣ, а горбунъ, лишенный участія въ пирѣ жизни?..

Наконецъ, въ этихъ же картинахъ Рѣпина, наряду съ недочетами въ области формы,—мы вдругъ видимъ необычайную яркость, сочность и свѣжесть красокъ, напримѣръ, въ „Крестномъ ходѣ". Какъ великолѣпно передано здѣсь впечатлѣніе знойнаго и пыльнаго дня!.. Какъ чудесно блеститъ золото на ризахъ!.. Какъ разнообразно цвѣтиста толпа богомольцевъ!..

Итакъ, къ мыслителю и психологу присоединяется еще живописецъ, т. е. художникъ въ полномъ смыслѣ даннаго слова.

Что же изъ этихъ трехъ качествъ превалируетъ у Рѣпина? Или они гармонично объединяются у него? Или, можетъ быть, всѣ они, каждый на свой ладъ „очищаются", претворяясь въ нѣчто особое подъ вліяніемъ какого-то свойства духа художника?..

III

„Іоаннъ Грозный и убитый имъ царевичъ"... „Царевна Софія"... „Запорожцы пишутъ письмо турецкому султану". „Николай Мирликійскій останавливаетъ казнь"...

Картины, написанныя на историческія темы. Рѣпинъ не хочетъ ограничиться только народнымъ жанромъ. Онъ обращается къ прошлому русской жизни.

Но историческая-ли это живопись? Если мы съ этой точки зрѣнія сравнимъ Сурикова съ Рѣпинымъ, то сравненіе будетъ не въ пользу послѣдняго.

Въ изображеніи тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ Рѣпинъ оставался, въ сущности говоря, бытовикомъ, иначе—реалистомъ, что мѣшало ему унестись на крыльяхъ фантазіи въ прошлое и воспроизвести его въ атмосферѣ старины. Отсюда—чрезвычайное обиліе бытовыхъ особенностей, подробностей обстановки, одежды, т. е. историческихъ аксессуаровъ въ указанныхъ картинахъ Рѣпина. Все это превосходно написано, но исторической картину не дѣлаетъ. Если Суриковъ переноситъ васъ и на берега Иртыша съ Ермакомъ, и на Альпы съ Суворовымъ, и на Красную площадь съ Петромъ, гдѣ идетъ казнь стрѣльцовъ, то Рѣпинъ могуче „привязываетъ" васъ къ своей лишь картинѣ, которая и покоряетъ васъ, но не своимъ историзмомъ, а геніальнымъ, по своей психологичности и живописности, выраженіемъ какого-либо опредѣленнаго глубоко-жизненнаго, трагическаго или комическаго аффекта человѣческой души.

Въ картинѣ „Іоаннъ Грозный" вы сразу же, съ перваго взгляда, захвачены феноменальной мощью выраженія и силой психологическаго анализа. Вы поражены фактомъ, что художникъ могъ написать такое лицо, какъ у Іоанна Грознаго. Страданіе, душевная боль на этомъ лицѣ — такого напряженія, что до безумія

И. Е. Рѣпинъ — „Іоаннъ Грозный"

I. Repin — „John the Terrible"

здѣсь только одинъ шагъ. Вы воспринимаете мученія царя до физическаго ощущенія. Вамъ хотѣлось бы уйти... Вы не желаете слышать „души“, которая говоритъ такимъ понятнымъ языкомъ на лицѣ царя... Но вы не уходите. Васъ тянетъ насладиться чисто-художественной стороной знаменитой картины. Она чудесна по живописи. Головы царя и его сына сдѣланы такъ великолѣпно, что и въ европейской живописи трудно найти подобныя имъ. Кромѣ идеальной, чисто-скульптурной лѣпки ихъ, онѣ замѣчательны по краскамъ и тональности, но здѣсь уже приходится говорить о красочности и колоритѣ всей картины, по мастерству своему и законченности, безусловно, лучшей въ творчествѣ Рѣпина. Для насъ ясно, что живописецъ-художникъ не уступилъ здѣсь мыслителю-историку, а, можетъ быть, даже взялъ надъ нимъ верхъ.

Почти то же самое надо сказать и о „Запорожцахъ“, разнесшихъ славу Рѣпина по всему міру.

Историческаго здѣсь—только фактъ письма запорожцевъ къ султану. Онъ насъ нисколько не интересуетъ. Мы захвачены на картинѣ изумительной передачей всѣхъ оттѣнковъ смѣха, отъ громового его раската до тонкой саркастической улыбки. Мы готовы видѣть въ такой передачѣ чуть-ли не колдовство, — до того это сдѣлано остро, четко, воспріимчиво и убѣдительно. Насладившись психологіей, мы отдаемся во власть безграничнаго богатства красокъ, ихъ гаммѣ, гдѣ красный и бѣлый цвѣта сливаются въ удивительной гармоніи. Теперь уже мы забываемъ содержаніе картины, психологію персонажей ея, — нѣтъ, мы просто радуемся художественному произведенію, получая отъ него рядъ высоко-эстетическихъ эмоцій.

Итакъ, въ своихъ „историческихъ“ картинахъ Рѣпинъ больше чистый художникъ. Онъ теперь „ушелъ“ отъ передвижниковъ. Идею онъ принесъ въ жертву искусству.

Однако „уходъ“ его очень относительный. Дѣло въ томъ, что великій художникъ никогда почти не уходилъ отъ сюжета и разсказа, временами только удѣлялъ ему большее или меньшее вниманіе. Такъ, оставивъ народный бытъ и исторію, Рѣпинъ пишетъ картины, откликаясь въ нихъ на каждое новое явленіе въ общественной жизни. Занялась печать и общество вопросомъ о дуэли, Рѣпинъ пишетъ „Дуэль“. На рядъ арестовъ лицъ подпольныхъ революціонныхъ организацій онъ отвѣчаетъ извѣстной картиной „Арестъ“ и „Не ждали“. Наконецъ „Манифестація“ есть своеобразная и, нужно сказать, геніально выполненная иллюстрація общественнаго движенія наканунѣ революціи.

И опять мы ставимъ вопросъ, что-же во всѣхъ этихъ картинахъ наиболѣе цѣннаго? А въ зависимости отъ этого, къ какому направленію въ искусствѣ надо отнести творчество Рѣпина?..

Вотъ еще передъ нами многочисленные портреты, сдѣланные имъ въ разное время, въ частности портреты членовъ Государственнаго Совѣта: гр. Игнатьева, гр. Витте, Побѣдоносцева, Семенова-Тянь-Шанскаго, Плеве и др.

Когда заходишь въ музей Александра III и сидишь предъ безконечнымъ рядомъ на стѣнѣ этюдовъ къ этимъ портретамъ, то первое впечатлѣніе прямо подавляющее. Какая вездѣ мощь! Какой пиръ шумящихъ и звенящихъ красокъ! Вѣдь это — подлинное золото на мундирахъ! А генеральское красное сукно до боли рѣжетъ глазъ... И все преподносится съ невѣроятною щедростью и расточительностью... О, этотъ Рѣпинъ, — говорите вы, — исписаться не можетъ! Его богатству нѣтъ конца!

Съ другой стороны, всѣ почтенные сановники предстаютъ вашимъ глазамъ въ исключительной по экспрессіи характеристикѣ индивидуальныхъ своихъ качествъ. Замѣчая, что рисунокъ на этюдахъ сдѣланъ небрежно, очевидно, наспѣхъ, что тональность дана безъ всякаго желанія пріобщиться къ колориту, вы понимаете, что всѣ эти этюды подобны по скорости „моментальной фотографіи“, что у художника, дѣйствительно, не было времени выписать, но тогда вы окончательно уже недоумѣваете предъ свойствомъ и особенностью таланта, способнаго продѣлать всю эту головокрушительную работу. Желая опредѣлить это свойство, вы, послѣ нѣкотораго раздумья, относите все видѣнное на счетъ безудержнаго художественнаго темперамента. Да, только онъ и сдѣлалъ Рѣпина Рѣпинымъ, только при свѣтѣ такого темперамента можно объяснить всѣ „пути“ нашего художника, всѣ его „противорѣчія“, всю его индивидуальность, въ концѣ концовъ не укладывающуюся ни въ какія рамки.

И въ самомъ дѣлѣ? Кто такой Рѣпинъ? Передвижникъ? Нѣтъ. Академикъ? Нѣтъ. „Міроискусникъ“? Нѣтъ. Поклонникъ чистаго искусства? Нѣтъ.

Такихъ вопросовъ, противорѣчивыхъ по сущности, можно поставить еще очень много и на всѣ можно сказать „нѣтъ“ и... „да“. Любопытно, что въ статьяхъ самого Рѣпина можно найти подтвержденіе этимъ и „нѣтъ“ и „да“.

Поэтому не ищите единаго и продуманнаго міровоззрѣнія у Рѣпина. Извѣстно, что тѣ, кто искалъ у Рѣпина разъ навсегда опредѣленнаго взгляда на искусство, очень разочаровались. Но пришли также въ отчаяніе и тѣ, кто, оставивъ всякую „философію“ въ сторонѣ, искалъ въ немъ совершеннаго мастера. Оказалось, что и отвлеченная, строго формулированная мысль, и техническая обработка матеріала — чужды Рѣпину.

И вотъ, отбросивъ одно и другое, ставъ лицомъ къ лицу съ произведеніями Рѣпина, какъ они есть, мы увидимъ въ немъ прежде всего и въ концѣ концовъ величайшаго художника, какого русское искусство еще не имѣло. И характернѣйшей чертой такого художника мы признаемъ его безграничный по богатству силъ и пафоса темпераментъ,

полный взлета, юношескаго вѣчно напряженія и пламеннаго энтузіазма.

Мыслитель, психологъ и живописецъ „прожигались“, какъ желѣзомъ каленымъ, этимъ темпераментомъ художника, и поэтому не онъ былъ на службѣ у нихъ, а они служили ему, причемъ не всегда всѣ одинаково, но смотря по обстоятельствамъ и настроенію самого темперамента. На все откликался послѣдній и ни съ чѣмъ себя не связывалъ, хотя самому Рѣпину и казалось по временамъ, что онъ „передвижникъ“, что „національная“ идея выше всего, что „быть гражданиномъ“ — похвальное дѣло... Въ другіе же часы онъ съ восторгомъ пѣлъ гимнъ чистому искусству, бросалъ реализмъ и становился символистомъ (карт. „Отойди отъ мене, Сатано“). На слова Крамского: „русскому пора, наконецъ, становиться на собственныя ноги въ искусствѣ... пора подумать о созданіи національнаго искусства“... Рѣпинъ, напр., отвѣчалъ въ своихъ запискахъ: „долженъ признаться, что на замѣчаніе Крамского я, хотя и сказалъ: „конечно“, но въ душѣ въ то время любилъ все искусство безъ разбору и національной потребности въ себѣ не ощущалъ...“

IV

Илья Ефимовичъ Рѣпинъ родился 24-го іюля 1844 г. въ Чугуевѣ, маленькомъ городкѣ Харьковской губ., въ семьѣ военнаго поселянина. Дѣтскіе годы его прошли въ далеко не сладкой обстановкѣ. Учиться по настоящему началъ маленькій Рѣпинъ въ школѣ топографовъ, что находилась въ Чугуевѣ. — „Итакъ, — читаемъ въ его воспоминаніяхъ, — я попалъ въ желанное мѣсто обученія, гдѣ рисуютъ акварелью и тушью, гдѣ... на большихъ столахъ... бѣлыя тарелки съ натертою на нихъ тушью, стаканы съ водою, гдѣ купаются кисти отъ акварельныхъ красокъ, огромныя кисти. А какія краски! Чудо краски!..“

Естественно, что „любовь къ краскамъ и кистямъ“ заставила 14-лѣтняго Рѣпина поступить въ 1858 году въ мастерскую чугуевскаго живописца Бунакова, а въ 17 лѣтъ онъ былъ уже мѣстной знаменитостью, живя на свой художественный заработокъ: писалъ образа для храмовъ. Весьма возможнымъ отзвукомъ работы этихъ лѣтъ явились двѣ иконы: Богоматери со св. Младенцемъ и Спасителя, написанныя Рѣпинымъ въ 1899 году для иконостаса церкви села Смеболы въ двухъ верстахъ отъ „Софіевки“, небольшого имѣньица, которое Илья Ефимовичъ купилъ въ бытность свою въ Витебскѣ. Объ этой „Софіевкѣ“ и работахъ тамъ Рѣпина мы не находимъ упоминанія даже въ послѣдней солидной книгѣ С. Эрнста о нашемъ художникѣ, вышедшей въ 1927 году, (Петербургъ) — а между тѣмъ иконостасная живопись Рѣпина весьма интересна. Мы даемъ фотографическій снимокъ ея, очень несовершенный, и однако образомъ Спасителя напоминающій Ликъ Христа въ картинѣ „Отойди отъ мене, Сатано“. Любопытенъ также своей напряженной энергіей св. Младенецъ. Его положеніе на рукахъ Божіей Матери чуть-ли не единственное въ исторіи религіозной живописи.

Скопивъ малую толику денегъ, Рѣпинъ въ 1863 году направляется въ Петербургъ. Въ рисовальныхъ классахъ Общества Поощренія Художествъ онъ знакомится съ извѣстнымъ уже Крамскимъ, дружба съ которымъ опредѣлила все послѣдующее развитіе молодого художника. Въ 1864 году Рѣпинъ — въ Академіи, а въ 1869 получаетъ вторую золотую медаль за кар-

И. Е. Рѣпинъ — „Пушкинъ на экзаменѣ“

I. Repin — „Pushkin on examination“

И. Е. Рѣпинъ — „Бурлаки"

I. Repin — „Haulers"

тину „Іовъ и его друзья". Въ 1871 г. „Воскрешеніе дочери Іаира" даетъ Рѣпину первую золотую медаль и шестилѣтнюю заграничную поѣздку. Одновременно Рѣпинъ работаетъ надъ „Бурлаками", для чего лѣтомъ отправляется въ компаніи Ф. А. Васильева, товарища по Академіи Е. К. Макарова и брата Василія на Волгу. Въ 1873 г., какъ результатъ этой поѣздки, являются „Бурлаки".

Въ маѣ 1873 года Рѣпинъ съ женой выѣхалъ заграницу. Венеція очаровала нашего художника: „Ни одно изъ человѣческихъ дѣйствій не произвело на меня впечатлѣнія болѣе поэтическаго цѣлаго, какъ эта прошедшая жизнь, кипѣвшая ключомъ и въ такой художественной формѣ!" пишетъ Рѣпинъ въ письмѣ къ П. Ф. Исѣеву, отзываясь въ томъ же письмѣ о Римѣ: „городъ ничтоженъ, провинціаленъ, безхарактеренъ; античные обломки надоѣли уже въ фотографіяхъ, галлерей множество, но набиты онѣ такой дрянью, что не хватаетъ никакого терпѣнія докапываться до хорошихъ вещей".

Затѣмъ мы видимъ Рѣпина въ Парижѣ, откуда онъ пишетъ: „французское искусство меня не увлекаетъ... въ головѣ все больше русскіе сюжеты". (Письмо къ Исѣеву отъ 2 дек. 1872 г.). Въ 1876 г. Рѣпинъ въ Россіи. За картину „Садко", написанную въ Парижѣ, онъ получаетъ званіе академика. До 1882 г. онъ — въ Москвѣ, гдѣ создаетъ „Царевну Софью", „На вечорницахъ", „Арестъ" и много замѣчательныхъ этюдовъ, портретовъ, какъ Шишкина, Куинджи, Забѣлина, „Протодьякона" и др., поражая всѣхъ исключительнымъ выявленіемъ души, глубинъ и тайнъ человѣческаго лица. Въ 1885-мъ году является геніальная картина „Іоаннъ Грозный". О возникновеніи ея самъ Рѣпинъ такъ разсказываетъ: („Русское Слово" 1913 г. 17-го апр.) „Какъ-то въ Москвѣ, въ 1881 году, въ одинъ изъ вечеровъ, я слышалъ новую вещь Римскаго-Корсакова „Месть". Она произвела на меня неотразимое впечатлѣніе. Эти звуки завладѣли мною, и я подумалъ, нельзя ли воплотить въ живописи то настроеніе, которое создалось у меня подъ вліяніемъ этой музыки. Я вспомнилъ о царѣ Иванѣ. Это было въ 1881-мъ году. Кровавое событіе 1-го марта всѣхъ взволновало. Какая-то кровавая полоса прошла чрезъ этотъ годъ... Я работалъ, какъ завороженный. Мнѣ минутами становилось страшно. Я отворачивался отъ этой картины, пряталъ ее... Но что-то гнало меня къ ней... Царевича я писалъ съ Гаршина. Я дружилъ и любилъ его. Этотъ взглядъ, этотъ оборотъ головы, — все это гаршинское"...

Какъ извѣстно, для типа Грознаго позировалъ какой-то неизвѣстный старикъ, чернорабочій, и худ. Мясоѣдовъ. „Въ цѣляхъ общественнаго спокойствія" Побѣдоносцевъ добился запрещенія выставлять картину, и она была спрятана въ подвалѣ у П. М. Третьякова, а потомъ, когда была выставлена, то въ 1913-мъ году старообрядецъ, молодой иконописецъ Абрамъ Балашовъ разрѣзалъ картину въ трехъ мѣстахъ. Теперь она реставрирована и очень хорошо.

Въ 1891-мъ году „Запорожцы" своимъ гомерическимъ хохотомъ какъ бы засвидѣтельствовали о возвращеніи художника къ спокойствію духа. Въ 1892 г. Рѣпинъ получаетъ званіе профессора Академіи и затѣмъ утверждается дѣйствительнымъ членомъ Академіи, гдѣ и работаетъ по 1907-ой годъ. Въ 1903 году съ помощью своихъ учениковъ Кустодіева и Куликова Рѣпинъ заканчиваетъ „Торжественное засѣданіе Государственнаго Совѣта 7-го мая 1901 года въ день столѣтняго его юбилея".

Съ 1900 г. Рѣпинъ переѣзжаетъ изъ Петербурга въ Куокалла, гдѣ создаются „Пенаты" —

большая и удобная мастерская на дачѣ, предоставленной въ распоряженіе художника другомъ его Н. П. Нордманъ-Сѣверовой. Здѣсь пишется „Черноморская вольница“ (1909 г.) „Пушкинъ на экзаменѣ“ (1911 г.), „Пушкинъ на набережной Невы“ (1912 г.) и знаменитые портреты Льва Толстого.

24-го ноября 1917 года Рѣпинъ покидаетъ Петербургъ и съ этого дня уже не оставляетъ своихъ „Пенатовъ“, совершенно не думая о возвращеніи въ Россію при нынѣшнемъ положеніи вещей, о чемъ и заявляетъ въ газ. „Руль“ отъ 11 февр. с. г. Съ нимъ живутъ его дочь и сынъ. Послѣднее время онъ работалъ надъ серіей картинъ на темы Евангелія: „Фома Невѣрный“, „Христосъ въ пустынѣ“, „Радость Воскресенія Христа“, „Noli me tangere!“ („Не тронь меня!“) и „Голговой“.

V

„Суть искусства заключается въ его очаровании. Всѣ недостатки, все можно простить художнику, если его созданіе очаровываетъ“. (Илья Рѣпинъ. 15 марта 1915 г. Куокалла).

Въ этихъ словахъ Рѣпинъ исповѣдуетъ свое подлинное profession de foi, ставя на первое мѣсто въ искусствѣ принципъ художественности, гдѣ „все благо — бдѣнія и сна приходитъ часъ опредѣленный“, гдѣ... „все, все, что гибелью грозитъ, для сердца смертнаго таитъ неизъяснимы наслажденья“ (Пушкинъ), гдѣ мы лицомъ къ лицу стоимъ съ красотой, въ „которой два берега сходятся“ (Достоевскій).

Рѣпинъ, какъ величайшій русскій художникъ, не отразилъ-ли въ своемъ творчествѣ той исконной черты народнаго духа, которая, если не сдерживается началомъ гармоніи, то бросаетъ русскаго человѣка, ищущаго „земли съ млечными рѣками, серебряными деревьями и золотыми яблоками на нихъ“ (Тургеневъ „Касьянъ съ Красивой Мечи“) въ объятія изувѣрскаго сектантства, въ крайности коммунизма, и т. д. и т. д., а если налицо гармоническое начало, другими словами талантъ, то появляются Пушкины, Глинки, Толстые и Рѣпины?..

Н. И. Мишеевъ

И. Е. Рѣпинъ
I. Repin

„Л. Н. Толстой съ дочерью Александрой Львовной“
„L. Folstoy with his daughter Alexandra“

И. Е. РѢПИНЪ
I. REPIN

ГЕТМАНЪ
GETMAN

Я

Въ мои глаза вошли — поля, моря, лѣса,
Мои зрачки — огонь, въ нихъ Солнце задремало.
Люблю Вселенную. Я вѣрю въ чудеса.
Они во всемъ, что ширь, и что предѣльно - мало.
Мы загораемся сквозь сумракъ голубой,
Когда, незримые, вступаемъ въ міръ зачатій.
И благо, если кто отмѣченъ такъ Судьбой,
Что онъ въ себѣ самомъ хранитъ ея печати.
Какой изъ дальнихъ звѣздъ залюбовалась мать?
Въ какое изъ свѣтилъ взглянулъ отецъ когда - то?
Объ этомъ можемъ мы лишь мыслить и гадать,
Но въ насъ мерцаетъ слѣдъ разсвѣта и заката.
Есть смыслъ въ реченіи старинной изъ примѣтъ,
Что въ рыжихъ волосахъ всегда костеръ ярится.
Я быстро обогнулъ пролетъ горячихъ лѣтъ,
Но сѣдина ко мнѣ не смѣетъ подступиться.
Чуть - чуть лишь по вискамъ, отъ полносчетныхъ зимъ,
Неясно проступилъ осенній свѣжій иней,
Но все еще лѣснымъ пожаромъ я гонимъ,
Куда - то, гдѣ найду — цвѣтокъ мечтанья синій.
До головы моей, когда рождался я,
Коснулся свѣтлый лучъ зари іюньской, нѣжной.
Пребудь лобзаемой, Господь, рука Твоя,
Дозволь мнѣ полностью пройти Твой міръ безбрежный!
Ты жаворонка мнѣ явилъ среди полей,
Окуталъ ночь мою всей страстью соловьиной,
Далъ зиму бѣлую, въ ней звоны хрусталей,
Упругій, гулкій ледъ, и лунный лучъ надъ льдиной.
Внушивъ, когда искалъ я золотыхъ ключей,
Что, красоту любя, свершаешь Божье дѣло,
Ты мнѣ велѣлъ желать, хотѣть, все горячѣй,
Внутри и внѣ искать, не знать ни въ чемъ предѣла.

Я полюбилъ просторъ всѣхъ царствъ и многихъ водъ.
Отъ Скандинавіи, гдѣ я скользнулъ сквозь шхеры,
Какъ зерна въ Океанъ, за годомъ бросилъ годъ,
Морями Южными поилъ мои размѣры.
Звучали пѣсни мнѣ. Я самъ ихъ пѣлъ вездѣ.
Отъ Семизвѣздія далеко уплывая
До Южнаго Креста, молился той звѣздѣ,
Что гдѣ - то въ снахъ ночей, у самаго ихъ края.
Красивая Земля дарована земнымъ,
Красиво въ неземномъ отыскивать земное
И видѣть, что земной, мой сельскій бѣлый дымъ
Восходитъ къ небесамъ, въ пространство голубое.
Узорная мечеть, гдѣ кличетъ муэзинъ,
Багряно - желтые, въ лучахъ, пески Сахары,
Священный Бенаресъ, — не тотъ - же - ли одинъ
Все это — сонъ Земли, людского сердца чары?
На Южныхъ островахъ, гдѣ вѣчная весна,
Къ ребенку наклонясь съ напѣвомъ, Самоанка,
Не та - же - ли все Мать? Не такъ - же - ли она
Божественно - ясна, какъ Русская крестьянка?
Но, міръ поцѣловавъ и весь его крестомъ
Въ четырекратности пройдя, необозримый,
Не какъ заморскій гость вступаю въ Отчій Домъ,
И нѣтъ, не блудный сынъ, а любяще - любимый.
Когда въ младенчествѣ я шелъ въ дремучій лѣсъ,
Я пропадалъ весь день, до самаго заката,
И на опушкѣ ждалъ, чтобъ крайній лучъ исчезъ,
Чтобъ былъ вдвойнѣ, втройнѣ желаннымъ мигъ возврата.
Я мѣру яблокъ взялъ отъ яблонь всѣхъ садовъ.
Я видѣлъ Божій Кустъ. Я знаю ковы Змія.
Но только за одну я все принять готовъ, —
Сестра моя и Мать! Жена моя! Россія!

Capbreton, Landes. Little Cottage.
1927. 2—4 января.

К. Бальмонтъ

И. Е. Рѣпинъ — „Дуэль“

I. Repin — „Duel“

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

ТРУБНЫЙ ГЛАСЪ

Изъ неизданнаго 4-го тома эпопеи «Чураевы»

Вечеръ былъ послѣ дождя, изумительно благоухающій изъ сада, тихій въ небесахъ и звенящій всѣми голосами на землѣ. Заря еще полыхала смѣшанными красками заката: красной, оранжевой, желтой, зеленой — сплавляя день и вечеръ въ радугу, въ свою очередь сплетенную съ нѣжной синевой и облаками. Дождь былъ проливной и мимо-проходящій, главная туча ушла дальше, а оставшіяся нависли надъ зарею такъ, какъ будто золотящіеся куполы церквей поймали ихъ крестами и не пускали. Но тучи все-таки рвались на западъ вдогонку за ушедшимъ солнцемъ... Наконецъ, онѣ устремились въ высоту, тамъ разорвались на мелкіе островки и, окрасившись со всѣхъ сторонъ въ закатныя краски, скоро превратились въ чудодѣйныхъ птицъ невѣдомаго міра.

Огромный садъ Торцовыхъ, отгороженный отъ улицъ сплошной высокою стѣной, тянулся отъ большого дома на югъ, въ сторону Ангары. Немолчный шумъ рѣки привычно смѣшивался съ шумомъ тополевой рощи, и потому часто казалось, что гигантскіе тополя шумятъ даже въ самую тихую погоду.

На этотъ разъ позолоченныя верхушки бѣлыхъ тополей стояли, точно выкованныя изъ серебра, ни одинъ листокъ на нихъ не шевелился, и все-таки Викторіи Андреевнѣ казалось, что тополя шумятъ какимъ-то напряженнымъ гуломъ. Она забыла, что въ вечерней тишинѣ послѣ дождя своенравная дочь Байкала спѣшитъ въ объятья Енисея съ особенно-шумною пѣсней.

Несмотря на влажную прохладу, Викторія Андреевна сидѣла у открытаго окна верхней стеклянной террасы и безпокойно всматривалась въ глубину главной аллеи, откуда должна была вернуться уѣхавшая за рѣку на лодкѣ молодежь. Всѣ они, навѣрное, промокли подъ дождемъ. Сердце матери особенно тревожилось за хрупкую и малокровную Людмилу.

И. Е. Рѣпинъ — „Горбунъ“

I. Repin — „The hunchback“

И. Е. Рѣпинъ — „Крестный ходъ“

I. Repin — „Religious procession“

И. Е. Рѣпинъ — „Какой просторъ!“

I. Repin — „What freedom!“

Пятнадцатилѣтній спортсменъ Коля подпрыгнулъ вверхъ, тряхнулъ рукой всю вѣтку, и рубиновый дождь посыпался на разгоряченныя голыя плечики и шейки дѣвочекъ. Всѣ онѣ заверещали, засмѣялись еще больше и внезапно увидали на террасѣ бабушку и Павла Осиповича и, какъ разноцвѣтная гирлянда изъ цвѣтовъ, убѣжали боковой аллеей въ свои комнаты переодѣваться.

А позади ихъ, въ глубинѣ аллеи, наростали и приближались новые, иные голоса. Тамъ, во главѣ съ возбужденно - смѣющейся Таисьей Павловной, шла большая группа молодежи съ глупою полуармянской, полуцыганской пѣсенкой, вывезенной изъ Москвы.

„Почему ты красный?..
Потому что страстный!
Почему ты страстный?
Потому что красный!..“

Тася дирижировала вѣточкой и, приплясывая, то и дѣло поворачивалась напередъ спиной, кокетливо и граціозно подбирая узкую и длинную юбочку, отчего ея стройныя ноги обнажались почти до колѣнъ.

Дамъ, дѣвушекъ и молодыхъ людей было человѣкъ двѣнадцать, всѣ они были въ мокрыхъ платьяхъ, но отъ разгоряченныхъ тѣлъ ихъ въ радугѣ заката струился парокъ. Волна ихъ приближенія была такая бурная и накаленная всеразрушающимъ весельемъ, что даже грозная и благонравная старуха онѣмѣла на террасѣ и не узнавала свою взрослую, уже замужнюю внучку — большуху.

Тася же, увидѣвши старуху, точно взбѣленилась... Со всей оравой она ворвалась на террасу и, замкнувши въ кругъ отца и бабушку, пустилась въ вихревую пляску со всѣмъ хороводомъ. Пьянымъ хмелемъ обвивалъ всѣхъ шуточный мотивъ, и заражали непонятнымъ бѣшенствомъ веселья глупыя слова:

„Отчего ты блѣдный?
Потому что бѣдный!
Отчего ты бѣдный?
Потому что блѣдный!..“

И произошло диво:

Веселье молодежи было такъ заразительно, что подъ пляску ея Павелъ Осиповичъ сталъ притопывать и, протянувши руки Аринѣ Ивановнѣ, соблазнилъ старуху. Съ гримасой удивленія и страха, лицо старухи вдругъ покрылось лучиками непривычнаго смѣха, и она, обнявшись съ сыномъ, неслышно-плавною походкой сдѣлала два круга и визгливо, виновато и вмѣстѣ ласково сказала:

— Ой, одурѣла старая карга...

Таисья Павловна торжествовала... Она была, какъ буйно-пьяная, хотя за цѣлый день не только ничего не пила, но и не ѣла. Да и всѣ были очень голодны, и въ мокромъ платьѣ; нѣкоторые испачканы въ пескѣ и зелени. И все-таки всѣ казались нарядней и красивѣй, чѣмъ обычно, и, главное, отъ всѣхъ шелъ

— А вы бы, Варенька, лучше накидочку ей принесли! — огрызнулась Лиза.

— Нѣтъ, ужъ, дѣвоньки, идите въ домъ! — настойчиво отвѣтила Варенька. — А то всѣ разбѣжались по кустамъ, какъ зайцы... Нехорошо вѣдь это...

Юнкера невольно вытянулись передъ Варенькой, какъ передъ начальствомъ, и не знали, что сказать. Дѣвушки сконфуженно склонили бѣленькія шейки и молча побѣжали къ дому.

Въ верхнемъ залѣ у рояля была суматоха. Кто-то кричалъ:

— Воды, воды! Скорѣй!..

— Позвоните доктору... Гдѣ Павелъ Осиповичъ?..

— Мамочку!.. Мамочку не пугайте! Я ничего, я ничего... — сквозь рыданья говорила Тася. — Уйдите всѣ... Уйдите!.. Я одна хочу... Я умереть хочу!..

Прибѣжавшая на крики Варенька обняла рыдавшую въ истерикѣ свою питомицу и упрекала съ нѣжной лаской:

— Ну, вотъ... Доплясалась!.. Мать-то отъ васъ и впрямь опять въ Италію, либо въ Германію уѣдетъ... Вы ей тутъ никогда не дадите поправиться!..

Павелъ Осиповичъ прибѣжалъ наверхъ послѣднимъ. И первое, что выкрикнулъ:

— Отравилась?.. — и никого не слушая, загромыхалъ по лѣстницѣ внизъ, въ свой кабинетъ, къ телефону.

Покрутилъ за рычажокъ длиннѣе и суровѣе, чѣмъ обыкновенно... Взялъ трубку, выругался и сталъ звонить еще сильнѣй и продолжительнѣй... Когда соединился съ центральной, сдѣлалъ рѣзкій выговоръ телефонисткѣ и тутъ же вдругъ затихъ, слушая ея оправданіе. Потомъ забылъ, кому хотѣлъ звонить, и началъ переспрашивать телефонистку:

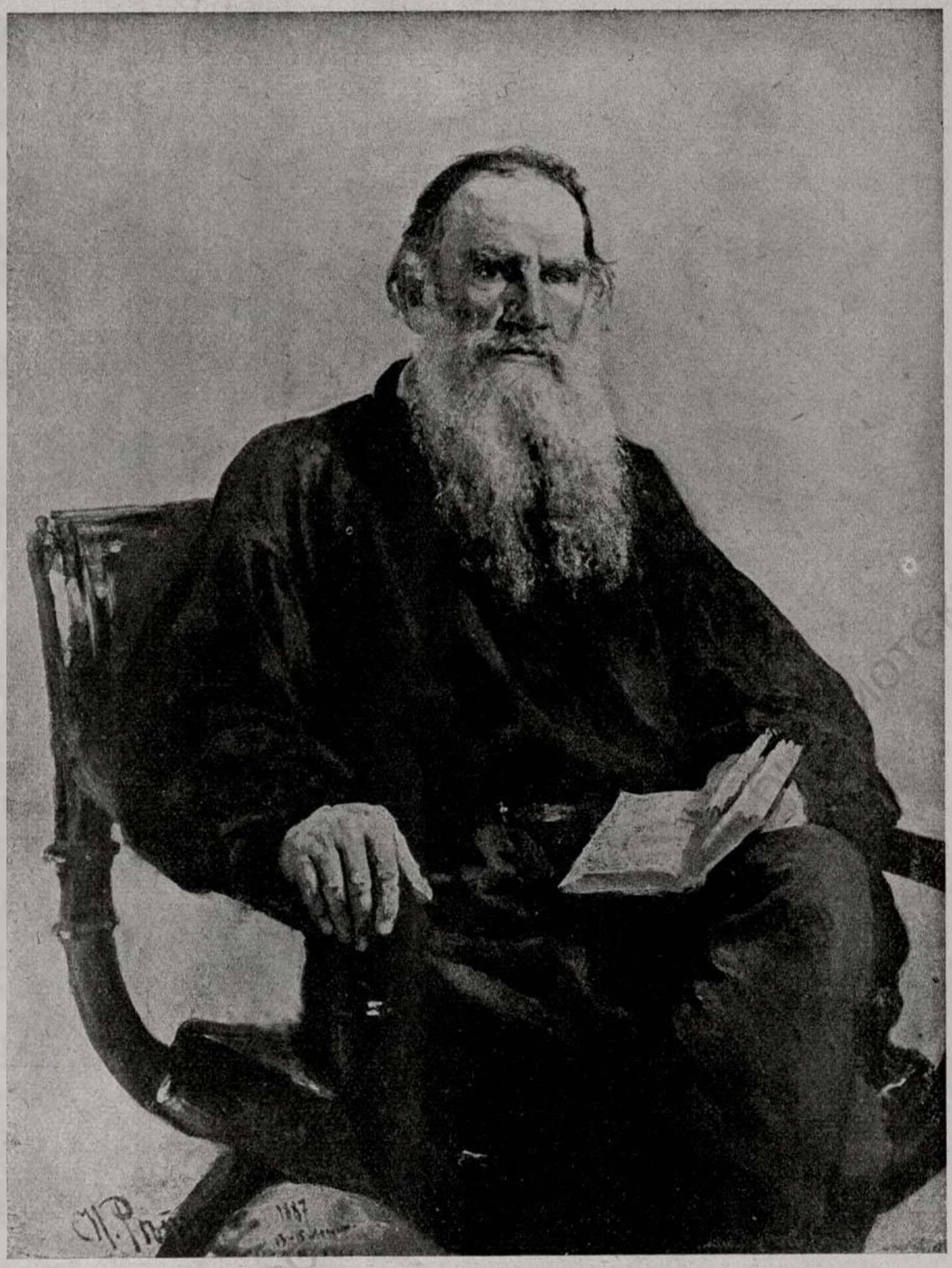
— Когда получено?.. — Желтоватыя, соло-

И. Е. Рѣпинъ
I. Repin

„Государь Императоръ Николай II“ (1895 г.)
Portrait of the Csar Nicholas II (1895)

И. Е. РѢПИНЪ — „Л. Н. ТОЛСТОЙ ЗА ПЛУГОМЪ“

I. REPIN — „L. TOLSTOY PLOUGHING A FIELD“



И. Е. Рѣпинъ — Графъ Л. Н. Толстой

I. Repin — Count L. Tolstoy

— Отъ моей болтовни навѣрное...

— Я очень устала.

— Отъ этой репетиціи, конечно... Но знаешь, Зиночка такъ увлекается этимъ, такъ увлекается, прямо передышки не даетъ... Вѣрочка! Да что съ тобой? Слезы?.. Такъ не надо же позволять...

Слезы лились изъ большихъ ужасно-удивленныхъ глазъ, но глаза все на него смотрѣли и, казалось, говорили: „Онъ ничего, ничего не понимаетъ“...

— Это ничего, Вѣрунчикъ, Вѣрулекъ, это такъ... Вѣдь ты и чаю даже не выпила послѣ всего этого... Ну это такъ, пройдетъ, Вѣруля... это ничего, ничего...

„Ничего, ничего не понимаетъ“, продолжали говорить большіе молчащіе глаза. Они все еще смотрѣли, смотрѣли и сохли...

— Ну вотъ, Вѣрочекъ, ты, кажется, и успокоилась.

Онъ протянулъ руку, чтобы взять ея руку, но отдернулъ быстро: накололся на иголку. Вѣра очнулась отъ этого движенія. Онъ взялъ свой палецъ въ зубы и, смотря на нее, посасывалъ и посмѣивался:

— Охъ, не люблю я эти дамскія работы... Ты знаешь, что въ прошлый разъ Зиночка сказала?.. Что работа это все равно, что люлька, это то, что мѣшаетъ... Она впрочемъ не сказала, чему мѣшаетъ, но я начинаю думать, что это правда...

Вѣра, подобравшая свою работу, пыталась протиснуть иголку, но — не проходила: оборка была мокрая; она дернула, — иголка сломалась... Она отбросила работу на столъ, встала, отошла къ окну... Ей было холодно, на душѣ холодно, а въ груди жгло, изъ всей груди подъ самое горло поднимался ожогъ...

Она смотрѣла въ окно... „Узнать нельзя... Узнать нельзя“ — говорила она про себя...

— Что ты тамъ видишь въ окнѣ?

Онъ подходилъ къ ней. Онъ стоялъ сзади ея. Она продолжала глядѣть въ окно:

— Какъ измѣнился садикъ... Еще на прош-

лой недѣлѣ были листья, были краски, было прежнее... Теперь... Можно подумать,—другой садъ...

— Тотъ же самый, Вѣра, тотъ же самый.

Онъ былъ близко за ней. Голосъ его звучалъ низко, серьезно, совсѣмъ не похоже на недавнее балагурство.

— Тотъ же самый, Вѣра, тотъ же самый...

Въ серьезной теплотѣ его голоса вдругъ зазвенѣло мило-шутливое намѣреніе; этотъ голосъ звучалъ все ближе:

— Тотъ же самый... только прилагательное измѣнилось, а существительное то же самое... то же самое...

Она почувствовала подъ ухомъ горячее прикосновеніе его губъ. Нагнула голову, подняла плечо, высвободилась и, повернувшись, стала къ окну спиной, держась обѣими руками за занавѣски. Смотрѣла на него. Оба молчали...

— Что ты на меня такъ смотришь, Вѣра?

— Такъ ты еще помнишь наши уроки грамматики? И Михалъ Семеныча?..

— Какая ты смѣшная. Отчего же ты думаешь, что я забылъ?

— Такъ... иногда...

— Что иногда?

— Иногда кажется...

— Что?

— Ахъ, Павликъ, — ничего. Когда ты такой какъ сейчасъ, тогда ничего не кажется.

— Какъ сейчасъ?

— Ахъ, Павликъ...

Его брови поднялись, голова подалась вопросительно впередъ, и такъ мягко, добро голосъ произнесъ:

— Ну?

— Ахъ, Павликъ!.. Я не люблю нѣкоторыя твои „прилагательныя“.

— Что ты называешь такимъ страннымъ именемъ?

Она поправляла ему булавку галстука, поглаживала, откидывалась чуть-чуть назадъ:

— Понимаешь... Когда ты говоришь... когда въ тебѣ... нѣтъ, — изъ тебя говоритъ дру... говоришь не ты...

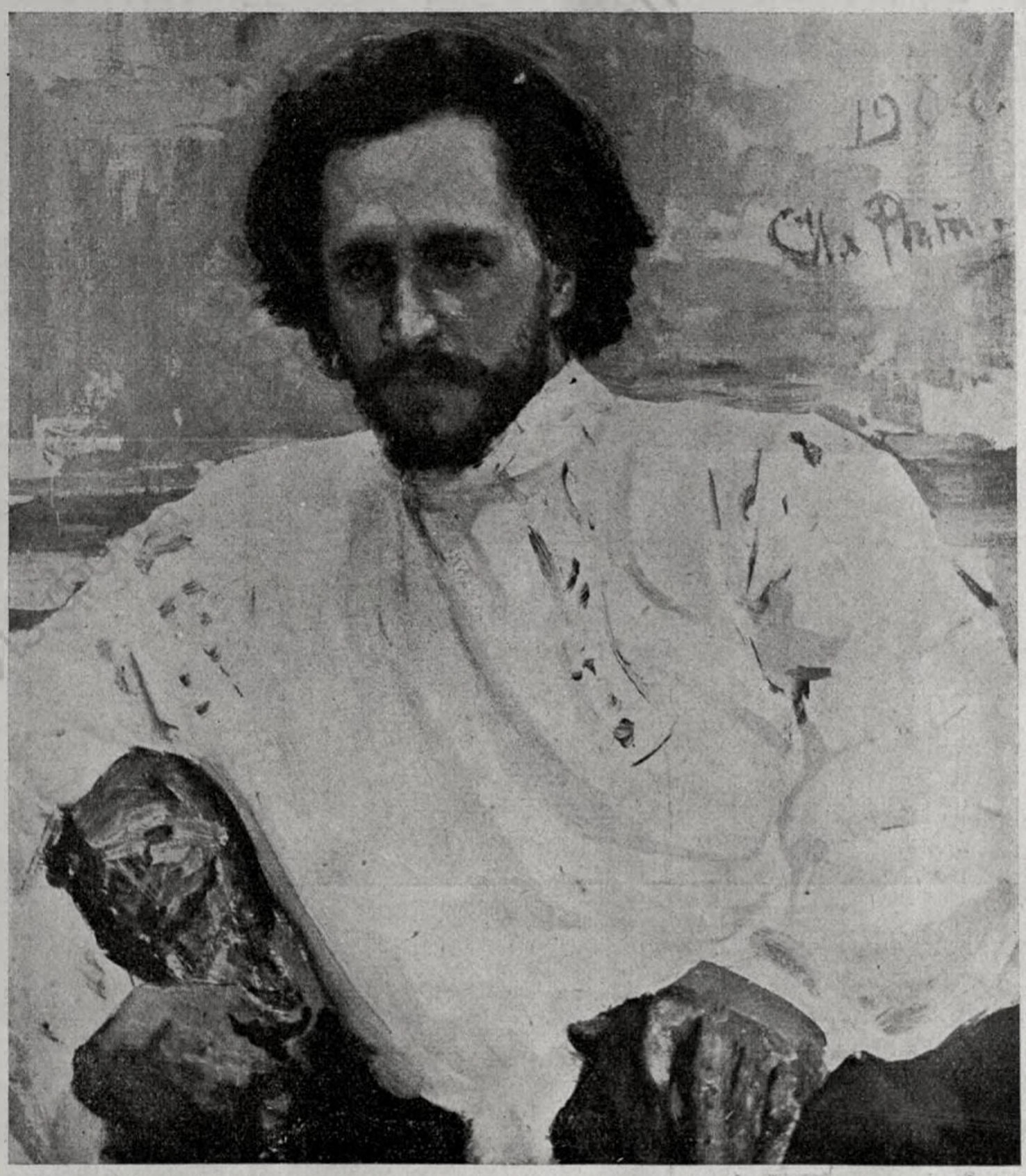
— Этого не бываетъ... Вѣрочка, этого не бываетъ...

Онъ положилъ свою ладонь на руку, поправлявшую его галстукъ, потянулъ вверхъ, къ своимъ губамъ. Она вдругъ отдернула съ внезапнымъ легкимъ крикомъ.

— Я тебя укололъ?

— Теперь ты меня.

Онъ схватилъ ея палецъ и положилъ между



И. Е. Рѣпинъ — Леонидъ Андреевъ

I. Repin — Leonid Andreeff

своихъ губъ. Они почти смѣялись, лучше, нежели смѣялись...

Онъ вынулъ палецъ и сталъ его осматривать:

— Ма-а-а-ленькое, кро-о-о-хотное пятнышко...

И мѣняя этотъ игривый тонъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми, на шутливо-героическій:

— Теперь нашей кровью запечатлѣнъ нашъ союзъ...

Но ей не шутилось: наплывъ радости, тепла, успокоенія и увѣренности былъ слишкомъ великъ, слишкомъ глубокъ, углубленный всѣмъ предыдущимъ страданіемъ. Такъ глубокъ, что она боялась не выдержать, когда онъ потянулъ ее къ себѣ: на днѣ было столько еще слезъ, — а ну какъ онѣ хлынутъ въ отвѣтъ на его ласку?.. Новое удивленіе; придется объяснять... Вѣдь не пойметъ большое дитя... „Нервныя женщины...“ Скажетъ и насупится... А въ его глазахъ точно солнце взошло...

Она быстро откинулась, быстро схватила обѣими руками его голову, быстро поцѣловала въ лобъ и такъ же быстро сказала:

— Ну, а теперь, Павликъ, я должна остаться немного одна.

— Вѣрно, вѣрно, отдохни, Вѣрулекъ, — пошелъ къ двери; на порогѣ остановился:

— Я завтра не буду, Вѣра, мнѣ масса бѣготни.

Дверь притворилась.

—

На другой день Вѣра сидѣла у себя.

За дверью прозвучало сухо:

— Вѣра, можно?

Не дожидаясь отвѣта, Зина вошла. Она поводила носикомъ, любопытно, точно нащупывая атмосферу.

— Ты одна?

— Какъ видишь... Или ты думаешь, я моихъ гостей прячу за занавѣской?

— Какая ты литературная.

— Литературная?

— Ну да, гдѣ-то есть, ты знаешь,— что-то въ этомъ родѣ...

— Не помню.

— Ну какъ же, ты же сама цитировала. Ты вѣдь такъ любишь цитировать... Что-то про

И. Е. Рѣпинъ
I. Repin

Л. Н. Толстой
L. Tolstoy

„убійцу моего отца“, какая-то занавѣска... Кстати, какого цвѣта ты думаешь лучше сдѣлать занавѣску, которую ты раздвигаешь, когда выходишь въ знаменитой сценѣ, которую ты такъ не любишь?

— Не знаю, Зина, какъ хочешь.

— Какъ я хочу! Прежде всего не какъ я хочу, а зависитъ отъ того, какое у тебя будетъ платье.

— А я и не думала объ этомъ.

— Такъ пора подумать. Генеральная репетиція послѣзавтра.

— Думать не долго и не сложно: у меня для этого только два платья, — одно зеленое, другое красное.

— Ахъ, какъ смѣшно! А у меня только двѣ занавѣски, —одна зеленая, другая красная.

— Ну, тогда, я думаю, надѣну зеленое въ случаѣ красной занавѣски и красное въ случаѣ зеленой занавѣски.

— Разумѣется, не въ цвѣтъ занавѣски, — что можетъ быть ужаснѣе, какъ платье въ цвѣтъ занавѣски.

— Ну такъ, значитъ, отъ тебя и будетъ зависѣть: смотря по тому, какую занавѣску повѣсишь... Повѣсишь зеленую,—надѣну красное платье.

— Я сама буду въ красномъ, — обѣ въ красномъ это же немыслимо.

— Ну тогда я надѣну зеленое, — я тебѣ говорю, мнѣ все равно.

— Но тогда ты будешь подъ цвѣтъ занавѣски.

— Тогда перемѣни занавѣску.

— Тогда я буду подъ цвѣтъ занавѣски.

— Ахъ, Зина, право не стоитъ мучиться изъ-за пустяковъ.

— Совсѣмъ не пустяки. Въ спектаклѣ все важно, и ты достаточно „эстетична“, чтобы это чувствовать... Но если ты безразлична къ моему спектаклю...

Вѣра начинала чувствовать усталость подъ гнетомъ этихъ важныхъ пустяковъ:

— Да нѣтъ же, Зина: не къ спектаклю, я безразлична къ себѣ, къ эффекту моего платья, — мнѣ все равно.

— Но въ томъ-то и дѣло, что твое платье и занавѣска и все это вмѣстѣ, это тоже спек-

И. Е. РѢПИНЪ
I. REPIN

АНТОНЪ РУБИНШТЕЙНЪ
A. RUBINSTEIN

такль, это принадлежитъ къ спектаклю. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, какъ ты на это смотришь, и не въ томъ, безразлично ли тебѣ или нѣтъ то, идетъ ли тебѣ такой цвѣтъ или другой...

— Да вѣдь я именно для того и говорю, что мнѣ безразлично, — чтобы не мѣшать твоимъ планамъ.

— А на самомъ дѣлѣ тебѣ не безразлично?

— Ахъ, Зина... Дѣлай, какъ хочешь.

— Ну вотъ ты и обидѣлась, — сказала Зина такъ, какъ будто только этого и ждала.

— Да нисколько же.

— Ужъ я вижу: ты жертвуешь собой, — всегда возвышенная женщина... Только возвышенность не перекраситъ ни платье, ни занавѣску... Значитъ, зеленая занавѣска — если тебѣ все равно...

— Значитъ, зеленая.

Вѣра отдалась отдохновительности наступившаго молчанія. Зина смотрѣла въ окно. Она какъ будто что-то искала:

— Я хочу... я думаю, какъ это сдѣлать... Ты Павлика со вчерашняго дня еще не видѣла?

— Не видала.

— А я сегодня утромъ по телефону съ нимъ говорила. Надавала ему цѣлую кучу порученій... Бѣдный Павликъ! Такъ много комиссій... Но онъ такой услужливый. Только вотъ, я забыла сказать ему, чтобы купилъ матерію для занавѣски... репсовую...

Она смотрѣла въ садъ, куда-то, говорила совсѣмъ какъ о чемъ-то далекомъ, совершенно неважномъ, цѣдила сквозь зубы... Съ ноткой доброты и откровенности она вдругъ прибавила:

— Онъ милый, твой Павликъ... Такой смѣшной, добрый медвѣженокъ... И онъ совсѣмъ не ревнивъ... Это хорошо, когда мужъ не ревнивъ... Несносно — ревнивый мужъ. Я своего пріучила... твоего брата... отучила ревновать... А тутъ ни пріучать, ни отучать не приходится... Онъ такой послушный...

Въ комнатѣ было тихо, солнце грѣло изъ саду, на оконныхъ стеклахъ колыхались тѣни голыхъ вѣтвей... Осенняя муха пристала къ лицу Вѣры; она ее отмахивала, отмахивала, но муха все возвращалась, все на то же мѣсто...

Ну, я пошла, — вскочила Зина, — пойду телефонировать Павлику... У тебя нѣтъ порученій?.. Такъ зеленая, значитъ.

Она вышла. Дверь притворилась.

•

—

Алло, алло!.. Вы Павликъ?

. . . . . .

Ахъ, узнали? Ну какъ это мило! Даже черезъ телефонъ... который вѣдь всегда мѣняетъ голосъ...

. . . . . .

Ну это очень любезно съ вашей стороны; вы всегда такъ ввернете...

. . . . . .

Не умѣете? Не стараетесь? Такъ въ этомъ же и прелесть ваша, Павликъ. Въ умѣніи и стараніи развѣ есть какая-нибудь цѣнность?

. . . . .

Ахъ, если бы вы знали какъ я устала, какъ устала отъ старающихся и умѣющихъ, то-есть воображающихъ, что они умѣютъ...

. . . . .

Окружена? Но кѣмъ!..

. . . . .

Мужъ? Ну что вы, Павликъ, Павликъ. Вѣдь это дружба и больше ничего...

. . . . .

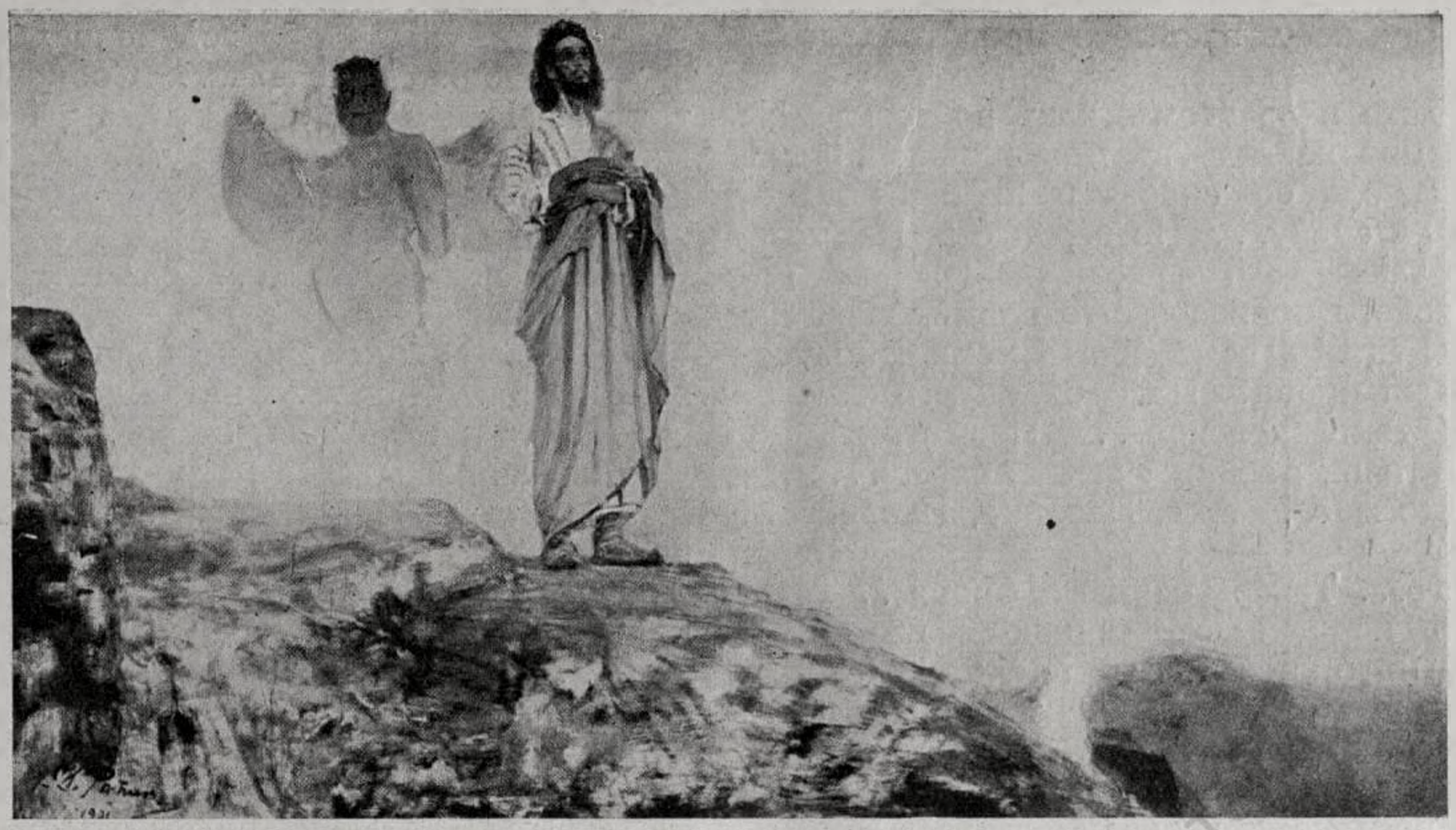
Много? Конечно, много и это... Но, Павликъ, знаете, — только это между нами, совсѣмъ между нами,—я жажду ревности...

. . . . .

Какъ! Да вѣдь безъ ревности нѣтъ любви. И вы знаете, — это опять совсѣмъ, уже совсѣмъ между нами, даже не между нами, а entre nous. Я

И. Е. Рѣпинъ — А. Писемскій

I. Repin — A. Pisemsky



И. Е. Рѣпинъ — „Отойди отъ мене, Сатано!"

I. Repin — „Get thee behind me, Satan"

Онъ молчалъ. Она подошла, подняла руки къ отворотамъ его тужурки и совсѣмъ уже другимъ голосомъ, безъ шума, безъ шутки, повторила то же и не то.

— Хороша?

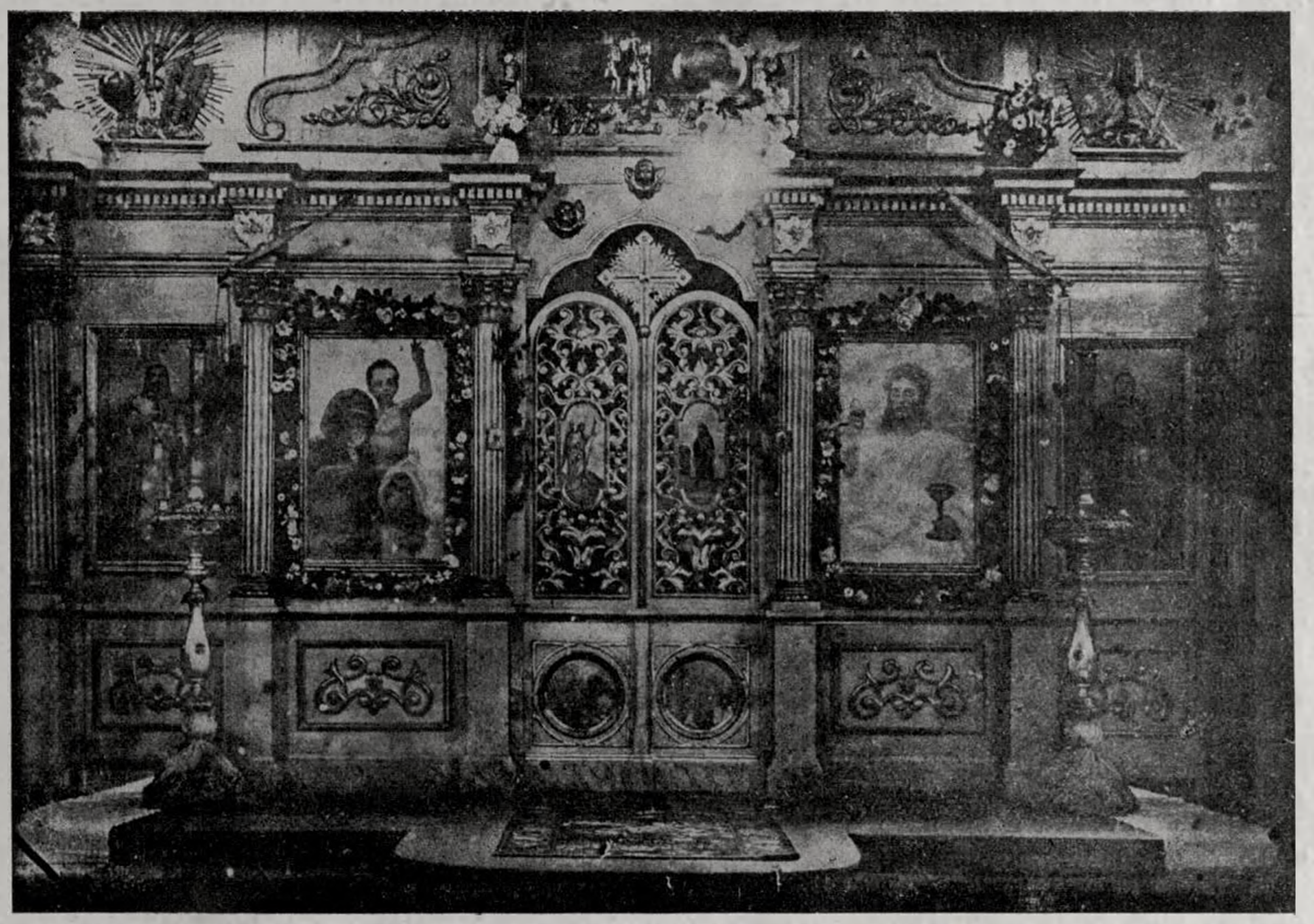
Она стала сближать отвороты тужурки, нагнула голову, и пахучій хохолокъ изъ красныхъ перьевъ, что дрожалъ въ ея бѣлокурыхъ волосахъ, щекоталъ ему глаза и носъ и лицо...

— Ну вотъ, я васъ застегнула. Теперь вы можете хоть на сцену выходить... Ну, конечно, надо погримироваться...

— Какъ!... гримироваться?

— Да что вы, Павликъ, сегодня родились?... Постойте, я васъ загримирую. Садитесь, у меня все съ собой. Нѣтъ, не къ зеркалу, я не хочу, чтобы вы себя видѣли прежде, чѣмъ будетъ кончено. Сюда садитесь...

Павликъ сѣлъ, послушный, на стулъ посерединѣ комнаты:



Фотографія иконостаса съ живописью И. Е. Рѣпина въ с. Смебода, Витебск. губ.
A stand of holy images with paitings by I. Repin

И. Е. Рѣпинъ — „Запорожцы"

I. Repin — „Zaporojsky Kozaks"

— И вы собираетесь?

— Не собирался...

Она подняла руки, заложила за голову. Глаза были полузакрыты, но изъ-подъ вѣкъ глядѣли зоркіе зрачки.

— Устала...

— Уже? Раньше большой сцены?

— Я не отъ сцены устала...

Она посмотрѣла на него теперь раскрытыми, большими глазами:

— Подойдите, Павликъ... Да подойдите же...

Въ голосѣ было то раздраженіе, которое вызывается чужою недогадливостью. Онъ подошелъ и тупо, глухо спросилъ:

— Ну что?

Онъ стоялъ на растопыренныхъ ногахъ, и между бровей была, безъ грима, глубокая вертикальная черта... Онъ чувствовалъ свое подчиненіе, сознавалъ, что оно исходитъ не изъ ея силы, а отъ его слабости; сознавалъ, чувствовалъ, досадовалъ и — подчинялся.

— Павликъ, вы разстроены.

Передъ упорствомъ его молчанія она потихоньку высвободила руки изъ-подъ головы, положила ихъ на колѣни, нагнулась впередъ и мягко, участливо спросила:

— Разстроены?

Съ запальчивостью онъ чуть не вскрикнулъ:

— Ну, конечно, разстроенъ!

— Не надо, Павликъ. Если у васъ что-нибудь на душѣ, надо сказать. Я вамъ другъ, Павликъ, и если я иногда балагурю, это не значитъ, что мнѣ легко на душѣ...

— Ну зачѣмъ, зачѣмъ все это? Развѣ вы не знаете, что я... не чувствуете, что я васъ...

— Вы меня ненавидите? Знаю, знаю, Павликъ...

— Да нѣтъ же, нѣтъ!.. Я вовсе не это...

Участливо-взволнованнымъ голосомъ она сказала:

— Ну что же тогда? Скажите...

Быстро выкинула обѣ руки впередъ и, схвативъ его обѣ руки:

— Скажите, говорите... говорите...

Она тянула его руки внизъ; онъ слабѣлъ...

— Ахъ, Зина...

— Ну да, Павликъ, я знаю, я знаю, — вы только того и хотите, чтобы васъ поняли и понимали... Ну нагнитесь... какъ въ нашей сценѣ, нагнитесь, — я вамъ на ушко скажу...

— Ахъ, Зина, я не знаю... Вы знаете, а я ничего не знаю... Не мучьте же... съ какого права...

Онъ повалился на колѣни, и когда его голова почти упала на ея колѣни, въ его ухѣ ласково-шутливо прозвучало:

— Только лицомъ не прикасайтесь къ моему платью, — подумайте только — весь вашъ гримъ на мнѣ!..

Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, но она сидѣла недвижна, — какъ окаменѣлая: ея широко раскрытые глаза смотрѣли на дверь...

Тамъ, раскрывъ занавѣску, остолбенѣлая, какъ вкопанная, стояла Вѣра...

Сильный, свистящій шопотъ раздался съ лѣсенки, ведущей на сцену:

— Очаровательница! Вашъ выходъ сейчасъ!..

Зина не торопясь встала, но не прямо пошла на сцену, — она свернула въ сторону двери и, проходя мимо окаменѣлой Вѣры, уронила:

И. Е. Рѣпинъ — „Манифестація“

I. Repin — „Monifestation“